

Глава 5

Вообще-то Бай Цинюнь вовсе не рвался вмешиваться.

Дарование Ян Хуая было, мягко говоря, никудышным, а вдобавок к отчаянной лени и нерадивости он и по силе уступал Е Цинхэ, хотя тот вступил в секту совсем недавно.

Оттого сценарий раз за разом повторялся как по нотам: Ян Хуай провоцирует Е Цинхэ, получает заслуженную трепку, бежит жаловаться Бай Цинюню, и уже тот выходит на сцену. Даже навались вся орава Ян Хуая разом, с Е Цинхэ ничего фатального не случилось бы — ну, переломают пару костей, экая невидаль.

Впрочем, легким ушибом это тоже не назовешь.

Так почему же Цинюнь, доселе спокойно наблюдавший за спектаклем, вдруг решил вмешаться?

Да просто у Ян Хуая рожа была до невозможности мерзкая! Породистый пушечный мяч: каждое движение, каждая интонация так и брызгали гнусью. Раньше Бай Цинюнь недоумевал, неужто в мире бывают люди, у которых на лбу аршинными буквами написано: «Я намереваюсь сотворить подлость»? Встретив Ян Хуая, он осознал: поднебесный мир поистине безграничен и не застрахован от уродств.

Увлеченный собственным праведным порывом, Цинюнь и опомниться не успел, как ноги сами вынесли его в центр толпы, а пальцы автоматически сложились в магический жест.

И вот результат: глядя вслед убирающейся своре и чувствуя, как спину буквально жгут два пристальных взора, Бай Цинюнь глубоко выдохнул.

В душе он стонал от досады, но внешне сохранял невозмутимость. Медленно обернувшись, Цинюнь напустил на себя заботливый вид и нанес упреждающий удар:

— Младший брат, ты не ранен?

И тут же, повернувшись к исчезающему за деревьями Ян Хуаю, со святым негодованием добавил:

— Какая низость! Навалиться толпой на одного... Мне стыдно, что подобные люди зовутся моими соратниками по секте!

Е Цинхэ отозвался без единой эмоции на лице:

— Однако прежде старший брат утверждал, будто среди всех учеников именно старший брат Ян — лучший.

— В самом деле? Неужели я нес подобную чушь?! — с искренней болью в голосе воскликнул Бай Цинюнь. — Каким же слепцом я был! Ян Хуай лишь притворялся почтенным учеником, а за спиной творил такие бесчинства, и я этого не замечал... Позор! Я недостойн зваться вашим старшим братом!

Бай Цинюнь отчаянно пытался обелить себя. Он долго размышлял над сложившимся положением: при первой встрече он задал слишком высокую планку доброты. Если сейчас внезапно охладеть и напустить на себя равнодушие, это выглядело бы двулично и лишь усилило бы подозрительность Е Цинхэ.

Раз уж выставил себя благодетелем, отступить поздно — придется идти по этой дороге до конца, пусть даже со слезами на глазах. Не может быть, чтобы столь искреннее раскаяние и забота не растопили лед в душе младшего!

Цинюнь чуть приподнял голову, пытаясь придать своим кошачьим глазам максимально невинное выражение — мол, смотри, я заслуживающий доверия, добропорядочный человек.

Е Цинхэ лишь молча разглядывал его с таким видом, будто всерьез гадал, не повредился ли старший умом.

«Ничего, времени впереди полно, — успокаивал себя Бай Цинюнь. — Главное — упорство. Рано или поздно образ исправно преобразившегося, заботливого старшего брата закрепится намертво».

Понимая, что перегибать палку нельзя и младшему требуется время на осмысление, Цинюнь сдержанно кашлянул:

— Выходки Ян Хуая переходят все границы. Пока он не ушел далеко, мне стоит провести с ним воспитательную беседу.

Он развернулся, намереваясь удалиться, как вдруг за спиной раздался голос Е Цинхэ:

— Цзинмин-цзюнь!

Опять официальный титул, никакого «старшего брата»... Бай Цинюнь огорчился, однако это был первый раз, когда Е Цинхэ окликнул его сам.

— Что такое? — повернулся он.

Юноша указал на свою ногу:

— Я подвернул лодыжку.

Бай Цинюнь опешил. Он взглянул на ноги юноши, спрятанные под полами одежд и высокой обувью. Разглядеть повреждение не удавалось, но, судя по тому, как Е Цинхэ тяжело опирался на каменную глыбу, дело было плохо. Территория секты Тяньи огромна, а Сад Сотни Камней и жилище Е Цинхэ находились в противоположных ее концах. Неужели тому придется ковылять до самой ночи?

Е Цинхэ опустил голову, скрыв мелькнувшую в глазах тень:

— До моего жилища путь неблизкий... Не мог бы старший брат подбросить меня?

Он намекал на перелет на мече.

Духовный клинок Цзинмин-цзюня звался Мечом Текучей Воды. Белоснежный, словно выточенный из чистейшего нефрита, он являл собой редчайшее сокровище. Прежде Цзинмин-цзюнь души в нем не чаял, сравнивая с ясной луной; брось кто-то на него лишний взгляд — и то рисковал навлечь на себя гнев, не говоря уж о том, чтобы позволить чужаку ступить на лезвие.

Это была проверка.

Затянувшаяся пауза рассеяла сомнения юноши. Едва зародившееся от недавних поступков Цинюня тепло сменилось прежним ледяным отчуждением.

Е Цинхэ сложил руки в уважительном поклоне:

— Забудьте, я сказал это не подумав. Старший брат так дорожит Мечом Текучей Воды, мне не следовало проявлять подобную дерзость.

Он уже поворачивался, чтобы уйти, как вдруг вспыхнул ослепительный белый свет. Не успел Е Цинхэ опомниться, как крепкие руки подхватили его под талию, и в следующее мгновение он уже стоял на Мече Текучей Воды.

— Эх, всего-то подвезти на мече! В следующий раз говори прямее, не стесняйся.

Зачем изливать столько туману — «подбросить», «проводить»? Цинюнь-то решил, будто тот просит донести его на загривке, и головоломку себе устроил: как аккуратно взвалить младшего на спину и при этом не утратить горделивую осанку Цзинмин-цзюня?

Сфокусировав духовную энергию, Бай Цинюнь направил клинок к обители Е Цинхэ.

Е Цинхэ ошеломленно смотрел себе под ноги. Затевая эту проверку, он и помыслить не мог, что все обернется подобным образом. Прежде они никогда не оказывались в такой близости.

Меч Текучей Воды с трудом вмещал двоих взрослых мужчин. К тому же Цинюнь, занявший это тело всего несколько дней назад, еще не вполне освоился с искусством полета, отчего меч в небе описывал весьма неровные зигзаги.

Поколебавшись, юноша пересилил себя и после третьего опасного крена крепко обнял Бай Цинюня за талию.

От этого прикосновения Цинюнь невольно вздрогнул. Он уже собрался было возмутиться, но, взглянув на узкое лезвие и вспомнив собственное убогое мастерство управления духовным оружием, тут же замялся. В конце концов, оба — мужчины, что тут такого? Да и вообще, Е Цинхэ — главный герой! Разве прикосновение главного героя можно считать домогательством? Это же чистейшая благодать!

Успокоив себя этими мыслями, Цинюнь направил духовную энергию в клинок. Меч Плывущих Облаков прочертил в вышине яркую полосу и устремился к домику младшего ученика.

А за его спиной Е Цинхэ, ощущая ладонями неожиданную утонченность чужого тела, мрачно разглядывал силуэт старшего брата. Ему и в голову не приходило, что у Цзинмин-цзюня настолько тонкая талия. Под широкими складками даосского одеяния этого было не разглядеть, но теперь, обнимая его, Е Цинхэ с изумлением обнаружил, насколько гибким и хрупким казался этот стан.

Вскоре впереди показалась знакомая скромная хижина. Колеблясь между желанием скорее сбежать и велениями совести, Бай Цинюнь все же выбрал второе. Бережно поддерживая Е Цинхэ, он помог ему переступить порог.

— Цинхэ, ну-ка дай мне взглянуть на твою ногу.

Усадив юношу на кровать, Цинюнь указал на штанину:

— Покажи, где болит.

Е Цинхэ замешкался, в его взгляде мелькнуло замешательство:

— Пустяки, старший брат, не стоит беспокойства. К тому же у меня еще остались те

драгоценные снадобья, что ты давал раньше.

— Любая мелочь без должного ухода перерастет в тяжелый вред! Не относись к здоровью так беспечно, юноша, под старость лет локти кусать будешь, — нахмурился Цинюнь. — Если дело худо, придется звать младшую сестру Линьсюань.

Линьсюань была целительницей — хоть и молодая, а в искусстве врачевания уже достигала немалых высот, так что ученики с любыми болячками бежали к ней.

Коли взялся играть роль — играй до конца. Видя, как Е Цинхэ мнется, Бай Цинюнь решил дожать ситуацию: чтобы окончательно закрепить за собой образ самоотверженного старшего брата, он сам протянул руку, намереваясь закатать штанину юноши и осмотреть поврежденное место.

В то же мгновение Е Цинхэ стремительно перехватил запястье Цинюня:

— погоди, старший брат! Я хотел кое-что спросить.

«Старший брат?! Так быстро?!» — Цинюнь даже растерялся от неожиданности. От смущения он замер, напрочь позабыв о штанине:

— Да... Что такое?

— В последние дни еда, которую мне приносят, разительно отличается от прежней, — небрежно сменил тему юноша. — Я пытался расспросить слуг, но те лишь молчат. Не знаешь ли ты, старший брат, с чем связаны такие перемены?

Бай Цинюнь качнул головой:

— Понятия не имею.

Признаться открыто казалось ему слишком наигранным: хоть он и не отличался особой скромностью, гордость все же имела значение. Посему Цинюнь поднялся, с глубокомысленным видом уставился в окно и произнес:

— Поразмысли сам, кто в секте Тяньи мог бы пойти на подобное.

Он не сомневался: с умом главного героя Е Цинхэ без труда сложит два и два.

Е Цинхэ медленно окинул его взглядом: от нефритовой заколки в волосах до изящных пальцев и носков черных сапог. В конце концов его взор задержался на поясе Цинюня, перетянутом

широким лазурно-синим кушаком. Плотные складки ткани скрывали естественные очертания, но при детальном рассмотрении становилось очевидно: этот стан был куда тоньше, чем у прочих адептов.

Когда Е Цинхэ глядел на стоящего к нему спиной Цинюня, ему на миг померещилось, будто у того на макушке возникли невидимые кошачьи ушки, чутко востроженные в ожидании ответа.

— Неужели старший брат намекает на младшую сестру Линьсюань?

В то же мгновение воображаемые уши безнадежно повисли. Цинюнь обернулся. Лицо его по-прежнему выражало полное бесстрашие, однако во взгляде сквозила такая неопиcуемая обида, что Е Цинхэ едва удержался от улыбки.

«Какая еще Линьсюань?! Из всех обитателей секты на эдакую благодетель способен лишь я!» — Бай Цинюнь внутренне скрежетал зубами. Столько трудов, целое сражение с тремя сотнями поваров на поварне, а в итоге все лавры достались другой!

— К слову... у меня еще остались неотложные дела в секте, — пробормотал Цинюнь и, не давая собеседнику вставить слова, поторопился сбежать из этой обители печали. — Отдыхай, а я пойду.

С его уходом в комнате вновь воцарилась тишина. Е Цинхэ пролежал неподвижно около четверти часа и, лишь окончательно убедившись, что старший брат не вернется, откинул одеяло.

Подтянув колени, он молча устался на свои ноги. Затем подвернул штанину: изящная лодыжка выглядела безупречно, а белая, словно нефрит, кожа — гладкой и чистой. Ни синяков, ни отека, ни малейшего следа вывиха.

Поразмыслив мгновение, юноша расправил ткань и легко соскочил с кровати — движения его были настолько быстры и ловки, что ни о какой травме не могло быть и речи.

Прежде Цзинмин-цзюнь пальцем не шевельнул бы без выгоды для себя. А сотвори он доброе дело — раструбил бы на всю секту, требуя восхвалений и почестей. Но уж точно не стал бы действовать исподтишка, скрывая имя... Да и эта история с Мечом Текучей Воды...

Е Цинхэ задумчиво посмотрел на свои ладони, на которых все еще сохранялось ощущение чужого тепла. Слегка прищурившись, он вытащил из-под кровати сундучок со снадобьями, оставленными Цинюнем.

Достав один из флаконов, он вытряхнул на ладонь округлую пилюлю. Поколебавшись, отправил ее в рот.

Снадобье моментально растворилось на языке, и по низу живота разлилась приятная волна тепла. Духовная энергия устремилась по меридианам к конечностям. Стоило ей совершить полный оборот по телу, как не только свежие ушибы от марионетки с мечевым талисманом, но и застарелые детские болячки исчезли без следа.

Это было подлинное снадобье высшего качества. Е Цинхэ перевел взгляд на сундучок: всего лишь одна пилюля полностью исцелила его, а Бай Цинюнь отдал ему целый ларец.

Юноша снова посмотрел на свои пальцы, все еще помнившие недавнее прикосновение к тонкой талии старшего брата, и погрузился в глубокое раздумье.

<http://bllate.org/book/20397/2106480>